

**Н. В.
УСПЕНСКИЙ**

Николай Васильевич Успенский

Гр. Л. Н. Толстой

«В первый раз я увидел нашего гениального беллетриста в Москве, где получил от него самое радушное приглашение посетить пресловутую Ясную Поляну – этот рассадник не менее пресловутых „народных школ“...»

**Николай Васильевич
Успенский
Гр. Л. Н. Толстой**

В первый раз я увидел нашего гениального беллетриста в Москве, где получил от него самое радушное приглашение посетить пресловутую Ясную Поляну – этот рассадник не менее пресловутых «народных школ».

Маленькие серые глазки на широкой мускулистой физиономии графа произвели на меня неприятное впечатление, немедленно вызвавшее как резкий контраст в высшей степени симпатичное лицо И.С. Тургенева, о котором однажды И.И. Панаев выразился так: «Если Тургенева поставить на подоконник против солнца, то он будет светиться насквозь»[1].

В Ясной Поляне, окруженной казенной за-секой и потонувшей в зелени, мы с графом вели нескончаемые беседы о литературе, задачах искусства и о том, наконец, что человечество обладает только произвольными движениями, подобно обезглавленной лягушке, подвергнутой действию гальванического тока. Эту идею граф и провел в своем прелестном романе «Война и мир», но, как говорится, задним числом, так как русская читающая публика давным-давно уже успела познако-

миться с известной брошюрой нашего знаменитого физиолога Сеченова под заглавием «Центры, задерживающие рефлекс, и произвольные движения».

Между прочим, Л.Н. сообщил мне весьма любопытный отзыв О столицах и деревенской жизни.

– Боже мой, Боже мой! – говорил граф, сжимая руки. – Из этих центров мнимой цивилизации, наполненных всевозможными бездарностями и шалопаями, не чаешь, как и выдраться... Когда я приезжаю из Петербурга или из Москвы в Ясную Поляну, то первым делом спрашиваю своего скотника: «Что буренка? Отелилась?» – «Так точно, ваше сиятельство... Бычок-с... вылитый в мать». Я иду на скотный двор и долго, долго люблюсь теленком, чтобы изгладить столичные впечатления...

– Николай Васильевич, – однажды обратился ко мне граф, – не подарите ли вы нашему детскому журналу какой-нибудь рассказец?.. Вы так глубоко изучили народный быт и так мастерски владеете народным языком... Вы меня этим очень обязали бы...

Когда рассказ был написан и просмотрен графом, он спросил меня:

– Сколько же вы возьмете за этот чудесный рассказ?

– Помилуйте, это такие пустяки...

– Нет, я назначил вам шестьдесят рублей.

– Это ужасно много, Лев Николаевич.

– Нет, нет, пожалуйста, не отказывайтесь...

– Извольте, – сказал я, – только и вы в свою очередь не откажитесь и от моего предложения: продайте мне вашего забракованного коня, которому кличка Сумасшедший.

– Да помилуйте, Успенский, он вас лишит жизни...

– Вот это-то мне в нем и нравится.

– Ну что ж! Я отдаю его вам в качестве литературного гонорара, лишь бы только он вам не сломил шею...

И я за ничтожный рассказ из народного быта воспользовался конем, у которого была «дугою шея, хвост трубой»...

– Почитайте-ко от скуки сочинения моих учеников, – предложил мне граф в один осенний вечер, – и скажите ваше мнение...

Передо мной очутилась кипа детских тет-

радей, из которых в одной я вычитал следующее:

«Однажды Лев Николаевич вызвал Савоскина к доске и приказал ему решить задачу из арихметики: „Если я тебе дам пять калачей, и ты один из них съел, то сколько у тебя осталось калачей?..“ Савоскин никак не мог решить этой задачи, и граф за это выдрал его за виски...».

Нимало не сомневаясь в справедливости сообщения ученика гр. Толстого и до глубины души возмущенный этим поступком великого художника, я, не медля ни минуты, сел верхом на вырученного мною коня и отправился в Тулу к брату Льва Николаевича, которому и передал новость...

– Это невообразимо!.. Это чудовищно... Недаром мне опротивела Ясная Поляна с тех пор, как завелись в ней народные школы, – говорил Сергей Николаевич, расхаживая по комнате...

– Поедемте сейчас к Ауэрбах и вы повторите ваш рассказ о деревенском мальчике.

Поздно вечером я вернулся в Ясную Поляну.

– Ну, что нового в Туле? – спросил меня граф. Я подробно рассказал о случившемся.

– Тяжело жить на свете! – скрестив руки и глубоко вздохнув, проговорил Лев Николаевич.

* * *

В свободное от педагогических и литературных занятий время граф обыкновенно обращался ко мне с просьбой рассказать ему что-нибудь о мужиках.

– Вы их так хорошо знаете, – замечал он. – Я люблю вас слушать. Вы чрезвычайно мастерски владеете народным языком, и в ваших рассказах столько неподдельного юмора, что я вполне соглашаюсь с Анненковым, который назвал вас русским Теньером...

– Да вот, – говорил я, – не угодно ли вам послушать небольшой разговор отца с сыном, достаточно подгулявших...

– Ах, сделайте одолжение...

– «Ванька! Помнишь, как ты меня угостил?.. Ведь у тебя рука-то не отболела... Дуррак, я тебя вспоил, вскормил... Что же? Это, к примеру, ты отплатил мне за мою хлеб-соль?..» – «Ты, батька, сам непорядки дела-

ешь...» – «Какие же непорядки?» – «Матери волю дал... обижает мою бабу...» – «Да чем же ято виноват?..» – «Острастку ей не даешь... ты бы хоть однова ей дулю поднес, чтобы помнила, а вместо того ты сам огорчаешь мою бабу... Ну вот я тебе и засветил как следует...» – «Дурак, ведь я опосля того целых два дня кривой ходил...» – «Что ж, батька, я на тебя не обижаюсь!!! Пойдем-ко, выпьем...».

– Ужасные нравы!.. – со вздохом произнес Лев Николаевич. – Расскажите еще что-нибудь.

– А вот вам более светлая картинка: два соседа из-за чего-то между собою так рассорились, что порешили судиться в волостном правлении, которое находилось от них в далеком расстоянии... Когда наступил день отъезда в деревенский синедрион, один из соседей обратился к своему врагу с вопросом: «Ты что ж, Ермолай, уж запрягаешь лошадь?» – «Запрягаю... На дворе-то, вишь ты, не рано...» – «Вот какое дело, братец ты мой, чем нам гонять двух лошадей – поедем на одной... Моя, примером скажем, будет телега, а твоя лошадь, али так повернем: моя будет лошадь,

а твоя телега... авось, сам знаешь, не под расчет нам с тобою трепать две телеги и гонять пару лошадей... Кабы, значит, мы с тобой в разные места ехали...» – «Что ж? Это ты надумал правильно... она ведь, лошадь-то, хоть и скот, а все понимает и чувствует, ежели ее без толку гоняют...» – «Вся причина, она дома пригодится...» – «Про что ж я-то говорю?.. Чудак!.. Тоже надо Бога бояться...» Тяжущиеся уселись в одной телеге и отправились в волостную... Дорогой они покурили из одной трубочки, а при первом на пути кабаке остановились. «Аль нам выпить?» – заметил один. «Что ж? Коли такое дело, у меня гривенник денег наберется...» – «Да ведь и я тоже захватил с собой про запас... не ровен случай... дорога дальняя». – «Вестимо дело, путь тоже неблизкий». Зашли мужики в кабак, выпили и почувствовали себя в самом праздничном расположении духа. «А что я тебе скажу, Аверьян, – начали они беседу, – из-за чего мы с тобой затеяли эти самые дрязги?» «Из-за чего? Сам знаешь, из-за баб...» – «А ты понимаешь ли, что такое баба? Она, я тебе скажу, самая что ни на есть первая смутьянка в семье...

Сколько из-за нее нашего брата погибает!» – «Постой, а мы-то с тобой кто ж такие? Мужья аль нет? Имеем мы полную праву командовать над бабой аль нет? Говори по истинной правде!.. А вот что я тебе скажу, милый человек, лучше бросим эту канитель да поедем домой... Что нам с тобой делить? У тебя свое хозяйство, у меня свое... Стало быть, что ж тут толковать? А то знаешь какое дело: приедем мы, положим, в Курносово... Сейчас первым делом старшину надо убоготворить, писаря тоже... а там судьи привяжутся... Да прах их возьми совсем!.. Скажи, значит, по душе: ну, на что они нам нужны? Мы с тобой легче сами выпьем, нежели поштвовать будем всякую ораву...» И мужики с миром возвратились домой.

– Экая прелесть, экая прелесть! – сжимая руками свою голову и в ажитации расхаживая по комнате, восклицал граф. – Не можете ли вы эту вещь слегка обработать и набросать на бумагу?.. Я бы с удовольствием купил у вас этот рассказ для «Ясной Поляны» (журнал для детей); здесь поражает не бытовая или жанровая картина, а сама жизненная

правда, воплощенная в типические образы. Ведь вся суть дела не в том, что поссорившиеся мужики поехали на одной телеге и завернули в кабак, а в той вечной и несокрушимой морали, что жить на свете надо по-христиански... «Аще кто тебя ударит по ланите, подставь ему другую». В продолжение целых двадцати семи лет граф не мог забыть этого рассказа, и при последнем моем свидании с ним в Москве, когда я его встретил в скромной блузе, подпоясанной широким ремнем, он спросил меня:

– Что же, ваш бесподобный рассказ о поссорившихся мужиках нигде не был напечатан?

– Нигде... Признаться сказать, я совсем и забыл о нем...

– А ведь я уже сам хотел обработать его... для народа...

– Вы этим сделали бы мне великую честь, Лев Николаевич...

Бесцельно проживая в Ясной Поляне, я однажды получил от своих родителей письмо такого содержания: «Любезный сын! Поспеши приездом к нам, дабы, может быть, в послед-

ний раз проститься с твоим старшим братом, а равно и с его семейством, поелику они по просухе весенней дороги уезжают на Кавказ, за Кубань, в станицу Передовую...» Я прочитал это письмо Толстому, который энергично воскликнул:

– Так в чем же дело? Вам надо немедленно ехать... У вас есть купленная у меня лошадь Сумасшедший, на ней и отправляйтесь...

– Но ведь теперь, Лев Николаевич, страшная грязь, распутица... Чего доброго Сумасшедший при своем пылком характере оставит меня среди поля, как рака на мели. Затем я хочу обратиться к вам с просьбой одолжить мне ваш фотографический аппарат для снятия портретов с уезжающих на «погибельный Кавказ» моих родственников... Очень может быть в самом деле, что я с ними никогда не увижусь.

– С удовольствием... Возьмите... Он мне почти совсем не нужен.

– Благодарю вас... Теперь как мне быть с вашим неукротимым Сумасшедшим? Аппарат составит для него тяжесть непосильную по грязной дороге...

– Да я прикажу кучеру подпречь к вашей повозке сильную лошадь Чалого, и вы благополучно доправитесь до места.

– А если с этим Чалым что-нибудь случится в дороге? Что мне тогда делать?..

– Ну, да ведь и с каждым из нас всегда может что-нибудь случиться... Эй! Кто там? Позовите ко мне кучера.

Толстый кучер с окладистой бородой немедленно явился к графу:

– Что прикажете, ваше сиятельство?

– Слушай, Алексей, к завтрашнему утру приготовь прочную телегу и уложи в нее мой фотографический аппарат, а лошадям Чалому и Сумасшедшему дай на ночь побольше овса...

– Слушаю... А мне прикажете ехать?

– Нет! Николай Васильевич отправляется на свою родину и неизвестно сколько времени там пробудет... Стало быть, в тебе нужды нет...

– Это точно... потому Миколай Васильевич сами умеют управлять лошадьми не хуже первеющего кучера... Им любой барин положил бы не меньше пятнадцати рублей на ме-

сяц...

– Можешь идти...

– Слушаю-с...

Рано утром я отправился в путь, украсив Сумасшедшего новой сбруей и щегольской дугой, купленными мною незадолго до поездки в Туле.

Было прелестное весеннее утро. Солнце так ласково и приветливо светило, жаворонки так задорно и весело распевали под голубым небом, не обращая ни малейшего внимания на невылазную грязь на большой дороге, по которой я совершал рискованное путешествие в сообществе с фотографическим аппаратом. Ввиду почти неодолимых препятствий для езды бедный Сумасшедший, как говорится, из кожи лез вон, напрягая все свои силы на то, чтобы поминутно вытаскивать повозку из разных рытвин, зажоров, канав и колдобин.

Не проехав и десятка верст, я убедился, что лошадям нужно отдохнуть в ближайшей деревушке, где я сделался предметом самого упорного и бессмысленного любопытства всех обывателей, не исключая еле движущих-

ся стариков со старухами и малолетних детей. Как бы то ни было, но поздно вечером я стал приближаться к большому селу, отстоявшему от Ясной Поляны в двадцати пяти верстах. Моросил частый и холодный дождь. Не доехав до постоянного двора саженей пятнадцать, я вдруг погрузился в глубокую канаву и услышал треск, похожий на выстрел из ружья... Оказалось, что Сумасшедший, собрав все свои силы, хотел выпрыгнуть из канавы, как заяц, вследствие чего новая красивая дуга лопнула пополам. Дворник, у которого я остановился ночевать, как и следовало ожидать, заломил с меня чудовищную цену за свою некрашеную и грязную дугу, которая у него валялась где-то на дворе. Но что было делать? Я принужден был покориться своей участи и заплатить требуемые деньги. В родном моем городе Ефремове на несколько часов меня задержала Красивая мечта, которая после половодья не могла еще войти в берега, почему и убогий мост был покрыт водой. Один из отважных мещан вызвался переправить меня на противоположный берег и распорядился привязать постромки Чалого чуть не к самой

морде Сумасшедшего, а сам, сев верхом на лошадь, принялся ее стегать кнутом, приговаривая: «С Господом! Трогай!» и т. д. Лишь только мы перебрались через мост, я с ужасом увидел, что у обеих лошадей из задних ног ручьями льется кровь...

– Что это значит? – спросил я мещанина.

– Разве не видите? Лошади засеклись, – хладнокровно отвечал провожатый, – их теперь надо недельки на две поставить на навоз, а то копыта все вчистую сойдут... Пожалуйста, сударь, за труды на чаек...

«Боже мой, Боже мой! – думал я в отчаянии, – что, если в самом деле порученный мне графом Чалый очутится без копыт?.. Придется, впрочем, – утешал я себя, – записать новый рассказ для „Ясной Поляны“...».

По воле неисповедимого промысла я наконец окончил свое дальнейшее и трудное путешествие и прибыл в свое родное село, где был встречен с распростертыми объятиями всеми моими родными. Отец первый спросил меня:

– Чьи ж это у тебя лошади?

– Графа Льва Николаевича Толстого...

– Понимаю. Что ж, он тебе дал их на время

или как?

– Одну вот, Чалого, дал на время, а другую он мне продал...

– Где ж ты взял деньги?

– Заработал пером...

– Дивны дела твои, Господи!.. Ну уж времена настали, нечего сказать... Стали уж нынче лошадей на перо поддевать...

Примечания

Считаю нелишним заметить, что Панаев, некогда владевший «Современником», вследствие какого-то фатума вручил его Некрасову.

[^^^]